

рода дополнения сделаны не русским переводчиком, к тому же через тысячу лет после написания Иосифом Флавием своего сочинения, а одним из христианских богословов вскоре после написания «Истории Иудейской войны», притом в таком греческом тексте, который до нас не дошел.¹¹⁷

Болгарский ученый И. Дуйчев, внося ряд ценных примечаний и дополнений в наш доклад, заметил, что у него вызывают сомнения приведенные в докладе грецизмы «второй группы», т. е. встречающиеся в древнерусском тексте «Истории Иудейской войны» на месте иных греческих слов, читаемых в подлиннике. И. Дуйчев предлагает поставить вопрос: не находились ли такие грецизмы еще в том греческом прототипе, который нам неизвестен?¹¹⁸

Японский исследователь Ёсикадзу Накамура в своей рецензии на нашу книгу высказал мнение, что автору не вполне удалось доказать тезис о том, что все загадочные дополнения, существующие в древнерусском переводе «Истории» Иосифа Флавия, были сделаны по инициативе древнерусского переводчика.¹¹⁹

Признавая необходимость более осторожно высказывать предположение о принадлежности переводчику всех дополнений к тексту «Истории Иудейской войны», не могу согласиться с гипотезой, выдвинутой Н. К. Гудзием. Эта гипотеза, допускающая, что уже во II—III вв. существовала подобная версия «Истории Иудейской войны», переработанная раннехристианскими богословами, представляется еще более смелой и трудно доказуемой, чем предположения, высказанные в нашем докладе. Было бы совершенно необъяснимо, почему эта переработка никаким образом не повлияла на византийскую литературу. Почему ни Ориген, ни Евсевий Кесарийский, ни Фотий Константинопольский, ни один из более поздних историков и византийских хронистов, которые хорошо знали произведения Иосифа Флавия, интерполировали их и не упускали случая ими пользоваться для доказательства правоты защищаемых ими идей, почему они не воспользовались столь выигрышными для них доказательствами, если бы таковые, конечно, существовали?!

Другое дело, если бы шла речь о какой-то средневековой византийской переработке, поскольку каждому знающему раннехристианскую и византийскую богословскую письменность известно, что в этих «дополнениях» отразились достаточно поздние догматические представления и подобная же фразеология. Если признать такую возможность, то тогда можно было бы согласиться и с замечаниями И. Дуйчева относительно греческой лексики, причисленной нами ко второй группе. Ведь это слова в большинстве своем народно-греческого происхождения византийской эпохи, отнести их к автентичному тексту первых веков нашей эры не позволяют наши представления об истории греческого литературного языка. Но тогда может быть поставлена под сомнение и стилистическая самостоятельность древнерусского переводчика, против которой еще никто не возражал. Ведь в этой мнимой позднегреческой переделке могли иметь место пропуски и сокращения оригинала, и расчленения, которые столь характерны для стилистической манеры древнерусского переводчика. Если признавать второе, то с той же долей вероятности можно признавать и первое, т. е. инициативу переводчика в отношении христологических до-

¹¹⁷ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I, стр. 120.

¹¹⁸ Там же, стр. 119.

¹¹⁹ С. Кимура и Ё. Накамура. Изучение древнерусской литературы в Японии. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 585; Ё. Накамура. Рецензия на книгу Н. А. Мещерского «История Иудейской войны». — Труды аспирантов университета Хитоубаси, т. VI. Токио, 1960, стр. 75—83 (на японск. языке).